

**ФЕНОМЕН ПРИТЧИ КАК УСЛОВНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ В
СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Мамудова Комола

*студентка 2-курса магистратуры ТГПУ им. Низами научный руководитель
к.ф.н. профессор Миркурбанов Н.М*

В наш XXI век, век цифровых технологий, сжатого пространства и отсутствия желания читать много, притча становится сегодня наиболее интересным и востребованным жанром литературы для передачи мудрости поколений, воспитания нравственных ценностей, стимулирующей базой для рефлексии сознания учащихся на уроках литературы.

Наиболее точное определение притчи как жанра дал С. С. Аверинцев: «Притча - дидактико-аллегорический жанр, в основных чертах близкий басне»; она «неспособна к обособленному существованию», т.е. вне контекста, «допускает отсутствие развитого сюжетного движения и может редуцироваться до простого сравнения, сохраняющего... символическую наполненность», «тяготеет к религиозной или моралистической глубинной «премудрости», с чем связана ее возвышенная топка» [1, с. 51].

Полные описания современной притчи как жанра дают в своих работах и исследователи В.И. Тюпа и М.А. Бологова. В. И. Тюпа в своих работах рассматривает прототипические черты притчи: существование притчи преимущественно в устной форме, неразвернутый сюжет, сжатые характеристики и описания, неразработанные характеры, строгая и простая композиция, лаконизм и точность выражения, «опора на пресуппозиционные знания слушателя».

М.А. Бологова выделяет такие особенности жанра современной притчи как иносказательность, дидактизм, лаконизм.

Существенно, что нельзя понять притчу вне конкретного текста: её смысл обусловлен поводом, по которому притча рассказана. Своеобразие притчи в том, что в ней события не определены ни хронологически, не территориально, и не прикреплены к конкретным историческим именам действующих лиц. В притче действия и персонажи схематичны и схематичен рассказ в них.

Действующие лица притчи, как правило, не имеют не только внешних черт, но и «характера» в смысле замкнутой комбинации душевных свойств: они предстают перед нами не как объекты художественного наблюдения, но как субъекты этического выбора. Герои притчи - герои в большинстве своем архетипические, символические.

Характерной особенностью притчи выступает не явный, скрытый смысл, который «пребывает вне единого поля зрения читателей». Главным

инструментом регулирования общения считаются интерперсональные стратегии.

Таким образом, особенность притчи состоит в том, что ее нельзя трактовать однозначно, ибо в её основе назидательность и мораль, которые заставляют человека задуматься над ситуацией и сделать вывод в соответствии со своими принципами и жизненными ценностями.

Притча, по мнению многих исследователей, многосмысленна, тяготеет к символу и аллюзивности и имеет множество толкований.

Согласно концепции А.Ф. Лосева, символ - это идейная, образная или идейно-образная структура, содержащая в себе указание на те или иные отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком [4, с. 248].

Что касается аллюзии, то это - стилистическая фигура, содержащая указание, аналогию или намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи. Отсюда и ее главный признак (*allusio*) - «намёк, шутка».

В западной философии эстетические основы притчи отражены в трудах Г.Гегеля, который писал, что «притча берет события из сферы обычной жизни, но придает им высший и более всеобщий смысл, ставя своей целью сделать понятным и наглядным этот смысл с помощью повседневного случая, рассматриваемого сам по себе». В ряду родственных ей явлений (символа, аллегии, иносказания, басни) притча, по Гегелю, выделяется тем, что может раскрывать «высший и всеобщий смысл «обычной жизни». «Отношение между образом и смыслом» лишено в ней «двусмысленности символа» и имеет форму «сравнения» [3].

В литературоведческой науке и критике последних десятилетий наблюдается необыкновенный всплеск интереса к жанру притчи и притчевым формам. Как правило, исследователи сосредоточиваются на современной притче, видя в ней новый виток в развитии жанра, который связывают с движением притчи от дидактики в область философского и экзистенциального смысла. Притча воспринимается как одна из ведущих форм интеллектуальной литературы. К этому жанру относят 70-80- годов XX века произведения Ф.Кафки, Б.Брехта, У. Голдинга, К. Воннегута, Кабо Абе, Г.Г. Маркеса, Ч.Айтматова, В.Быкова, И.Друцэ, А.Вахеметса, М.Карима и др.

В литературоведении первой половины XX века многие исследователи акцентируют внимание на поэтику притчи. В связи с этим отметим статью «Притча» С.С.Аверинцева, помещенной в ряде энциклопедических изданий. Поэтику притчи, по мнению С.С.Аверинцева, отличает «исключение описательности «художественной прозы» античного или новоевропейского типа: природа или вещи упоминаются лишь по необходимости, не становятся

объектами самоцельной экфазы - действие происходит как бы без декораций, «в сукнах». Действующие лица притчи, как правило, не имеют не только внешних черт, но и «характера» в смысле замкнутой комбинации душевных свойств: они предстают перед нами не как объекты художественного наблюдения, но как субъекты эстетического выбора. Речь идет о подыскании ответа к заданной задаче». Такое определение С.Аверинцева предполагает понимание притчи как жанра и, соответственно, выделение некоего жанрового эталона. Ориентиром для этого становится поэтика евангельских притч и в целом Библии («Поэтика Библии - это поэтика притчи»), а также поэтика средневековой дидактико-аллегорической притчи. «Для определенных эпох, особенно тяготеющих к дидактике и аллегоризму, притча была центром и эталоном для других жанров, например: «учительная» проза ближневосточного круга (Ветхий Завет, сирийские «Поучения Акихара», «машалим» Талмуда и др.).

Следует выделить целый блок исследований, посвященных проблеме современной притчи [2].

Постепенно в науке последних десятилетий притча превращается в чрезвычайно популярный термин, зачастую подменяющий многие другие. Характерной чертой современного восприятия притчи можно назвать размывание притчевых границ, стремление отнести к притче любые условные формы -любое метафорическое, символическое и просто философски-обобщенное пересоздание действительности. Эти тенденции в равной мере характерны как для отечественного, так и для западного литературоведения.

Р. Скоулз в своей работе «Сочинители притч», рассматривая произведения А. Мердока, К. Воннегута и Р. Барта, акцентирует внимание на своеобразном притчевом мировоззрении писателей к притче как способе воссоздания действительности.

Д. Рихтер в книге «Конец притчи. Завершенность риторической прозы» предлагает солидный список притчевых произведений, созданных в XX веке. «Сочинителей притч в настоящее время легион, их имена - переключка самых интересных писателей», многие притчевые произведения при этом он признает настоящими шедеврами.

Исследования зарубежных авторов, посвященные притче, в основном представляют специальные теоретические работы, содержащие заявку на системность.

Исследования российских ученых о притче в 70-80-е годы XX века разворачивается в условиях журнальной полемики, что накладывает определенный отпечаток на саму постановку вопроса.

Определение притчи осложняется тем, что на настоящем этапе притча становится объектом не только литературоведческих, но и философских и культурологических исследований и рассматривается она не как литературоведческая категория, а как явление семиотики и феномен культуры.

Особого внимания в этом ряду заслуживают работы Т.В. Даниловой, Ю.И. Левина, М.А. Собуцкого, Н.Л. Мухелишвили, Ю.А. Шрейдера и др.

Н.Л.Мухелишвили и Ю.А.Шрейдер в своей статье «Притча как средство инициации живого знания» формулируют новое понимание притчи как особого типа коммуникации - экзистенциально-символического феномена. Рассмотрение притчи с философской и культурологической точки зрения одновременно открывает новые горизонты в ее изучении и создает дополнительные трудности. С одной стороны, это позволяет раскрыть значимость притчи как особого типа коммуникации и найти ее отличия от близких ей форм (басни, идеологемы, анекдота) на дискурсивном уровне.

Весьма продуктивен, на наш взгляд, философский подход и в выявлении аксиологических и онтологических оснований данного явления. В его русле также лежит вопрос о роли притчи в построении философского дискурса. Но, с другой стороны, при рассмотрении притчи с философской точки зрения происходит подмена литературоведческой категории философской - и литературоведческий анализ лишается методологических оснований.

Следствием подобного расширенного понимания притчи становится возникновение новых понятий, как-то: роман-притча, драма-притча, мифопритчевая проза, притчевость (тот текст, который уже нельзя назвать притчей, опираясь на ее традиционное понимание, но в котором связь с притчей (больше идейно-эмоциональная) еще ощущается, называют притчевым, или притчеобразным). Все эти понятия, особенно притчевость, несмотря на высокую частотность своего употребления, нуждаются в дополнительном определении.

Практически перед исследователями стоят вопросы, которые на сегодняшний момент остаются открытыми, и каждый исследователь, обращаясь к притче, сталкивается с необходимостью поиска ее «рабочего» определения:

- Как развести представление о притче как аналогии и сравнении и о жанре, возможно ли найти какой-то компромисс между представлением о притче как о роде дидактической поэзии - форме, находящейся на периферии литературного творчества, и как о всеобъемлющем ментальном принципе, интеллектуальной конструкции, проникающей в различные сферы культуры?

- В каких отношениях притча находится с мифом, символом и аллегорией?

- Что такое притчевость и насколько оправдано введение этого понятия?

Таким образом, сегодня притчу мы рассматриваем как феномен условной художественной формы в современной художественной литературе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. Притча // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. / С.С. Аверинцев. М., 1987. - 51 с.

2. Бочаров А.Г. «Бесконечность поиска. Художественные поиски современной советской прозы», А.К. Ишанова «Жанр и функции притчи в советской прозе 70-х -начала 80-х годов», Я.Э. Касемаа «О притче в современной советской прозе», А.К.Ишанова «Функции притчи в советской прозе 1970-х - начала 80-х гг», С.С.Магдиева «Притчевость в современной многонациональной драматургии 60-80гг.», Цыбакова С.Б. Классическая притча в современной художественной традиции. Минск, 2000 и др.

3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике Режим доступа // <https://psychoanalysis.by/wp-content/uploads/>

4. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: 1978. – С.248